

Смоленский Н.И.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ*

Статья посвящена анализу проблемы философских основ российской историографии с момента возникновения науки до современности. Эта проблема рассматривается на материале учебного пособия «История и философия отечественной исторической науки», подготовленного коллективом авторов Российской академии государственной службы и Института российской истории РАН. Проблематика философских основ российской историографии анализируется в качестве предмета научного исследования и преподавания одновременно.

Ключевые слова: философия истории, истина, методология истории, теория истории, историческое сознание.

Коллектив историков Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации с привлечением учёных Института российской истории РАН подготовил труд по истории и философии отечественной исторической науки. Издание вышло в свет в 2006 г. под грифом учебного пособия для студентов высших учебных заведений по специальности «история» [1]. Это – первое учебное издание по данной проблематике. Прошедшее с момента публикации время не снизило ни актуальности анализируемых в нем философско-исторических проблем в качестве предмета обучения, ни научной значимости – во многих случаях – той сути их интерпретации, которая предлагается авторами, что делает обращение к содержанию пособия оправданным не только в вузовской аудитории.

Одно из основных требований к учебному изданию – научность. Научность – при том, что это понятие в различных вариантах гносеологии имеет сегодня существенно разный, в том числе и антинаучный смысл – предполагает все-таки опору учебного издания на проверенный материал научного исследования, в том числе новейшего. Опора на истину в равной мере характеризует научное исследование и учебное издание с той, однако, оговоркой, что путь к истине может быть долог и извилист, что невозможно, а порой и не нужно воспроизвести в ходе усвоения материала в учебном процессе. Здесь необходимо его отбор, уход от частных деталей, изложение сути изучаемого, понимание чего является важным элементом усвоения знаний. Не любые знания говорят о их качестве и высоком уровне.

Далее, усвоение знаний не обязательно повторяет логику и ход научного исследования в отношении языка и формы изложения, то есть стиля. Стиль – это также и проблема научного исследования, хотя далеко не самая важная и определяющая. Стиль исследования Н.М. Карамзина по истории государства Российского является его украшением, однако то, что столь же фундаментальный труд С.М. Соловьева отличается иным стилем, и это не роняет его, показало время. И всё же в учебном издании проблема стиля более значима: язык и стиль должны способствовать усвоению материала, а не затруднять его. Доступность и образность языка, уход от общих рассуждений или от погружения

* © Смоленский Н.И.

в детали, одним словом, всё то, что привлекает внимание и способствует усвоению, тем более – возбуждает интерес к изучаемому, – всё это относится к числу несомненных достоинств учебного издания. Один пример. Наряду с научными исследованиями Гегель вел преподавательскую работу, в том числе с 1818 г. – в качестве профессора философии Берлинского университета. К чтению курса лекций по философии истории в университете Гегель был готов в том смысле, что разработал свою концепцию развития всемирной истории и изложил её в «Энциклопедии философских наук» («Философия духа»: объективный дух). Между «Философией духа» и «Философией истории», изданной в качестве курса лекций, нет разницы по содержанию, но разница по стилю огромна: в последнем случае стиль отличается той мерой доступности понимания, которой даже приблизительно нет в философских исследованиях Гегеля. К этому следует добавить, что лекции Гегеля воспринимаются с интересом, в них наглядно видна мощная работа мысли, которая доступное изложение делает глубоким и содержательным, а не банальным или посредственно-отталкивающим, а сущность заключает в принципиальном, важном, как и в деталях, порой в одной фразе, вследствие чего в тексте не обнаруживается чего-либо малозначащего или лишнего. Конечно, проблема стиля и взглядов Гегеля на историю – разные вещи.

Учебное издание в любом случае должно решить по крайней мере две задачи, с неизбежностью возникающие в университетской аудитории: чему учить и как учить? Размышления по поводу рассматриваемого учебного пособия начнём с основной и фундаментальной проблемы: чему оно учит?

Стержнем изложения является анализ «философской составляющей» в развитии историографии отечественной истории. Из содержания книги – хотя это не сформулировано кем-либо из её авторов – следует, что под «философской составляющей» подразумеваются проблемы философии истории и – шире – теоретико-методологические проблемы исторического познания. Хронологический охват их анализа – от становления исторических знаний в Древней Руси до методологических поисков в советской исторической науке в период «оттепели», включительно. Логика изложения материала включает в себя: выделение основных направлений или отдельных представителей – отечественной исторической науки с характеристикой теоретических основ их мышления; выявление истоков этих основ в российской действительности или в идейных источниках их влияния извне; определение и оценка объективной сути излагаемых теоретических позиций прежде всего в связи с научным потенциалом объяснения на их основе конкретного кода событий.

Упомянутая логика изложения, вполне обоснованная сама по себе, в разной мере насыщена материалом теоретического анализа и конкретным историографическим материалом, имеющим, впрочем к упомянутому анализу порой весьма косвенное отношение. Очевидно, это связано с тем, что пособие является – по его названию – историей и философией отечественной исторической науки. Анализируя проблему «философской составляющей» во времени, в развитии, нельзя обойтись без историографического подхода, без опоры на историографию, однако области историографических и методологических проблем не совпадают ни по общему смыслу, ни по конкретному характеру в каждом случае. Скажем, предметом историографического анализа может быть – и является в данном случае [1, 98-99] – изучение разработки способов, приёмов критического анализа исторических источников тем или иным историком или целым направлением. Однако это область не методологии, а методики исторического

исследования, причём практика этого исследования, уже со времен итальянской гуманистической историографии как колыбели источниковедения, вполне определённо расставила акценты в соотношении методологии и методики: определяющая роль принадлежит в этом соотношении методологии. Современный уровень развития исторического познания, несмотря на его страноведческие или иные особенности, не изменил упомянутое соотношение в структуре познания. Обусловленность способов критического анализа источников методологией с очевидностью проявляется по отношению к основополагающему из них – требованию достоверности. Это требование становится в исторической науке осознанным и фундаментальным принципом с эпохи гуманизма и приобретает в начале XIX в. относительно завершённую для того уровня знаний структуру, что с наибольшей определённостью проявилось в немецкой историографии (Нибур, Ранке и др.) и не утратило некоторого значения и сегодня: внешняя критика – анализ источника по времени его происхождения, авторству, подлинности или подложности, по характеру содержания – первоисточник или заимствование; внутренняя критика – анализ источника по его содержанию. Поскольку в основе всего в первом и во втором случае лежит требование выявления достоверности, нельзя не заметить, что за этим фигурирует уже определённая теоретическая позиция, даже если она не выражена в некоторой развитой теоретической форме, и эта позиция заимствуется историком вовсе не из источника и имеется у историка до знакомства с ним. Суть этой позиции – в стремлении историка добиться достоверности, истины, в его уверенности в возможности точного фактического знания, ибо подлинные факты – это своего рода кирпичи, и чтобы их передать без искажений, историк должен на изучаемое прошлое смотреть глазами прошлого (Нибур) или же заставить замолчать своё «я», т.е. свои взгляды, позицию в современном ему мире (Ранке) [2]. Следует подчеркнуть: это уже теоретическая позиция, вариант гносеологии с опорой на представление о первичности объекта и вторичности субъекта, она предшествует обращению к анализу источника. Данный вариант гносеологии соответствовал тому уровню представлений о механизме исторического познания, когда ещё отсутствовало понимание неизбежной обусловленности позиции историка окружающей его средой. Но развитие познания приводит к этому, опять-таки, теоретически наиболее полно и раньше, чем где-либо – в Германии (теория познания И. Г. Дройзена). Доказательство этого не устраняет в любом случае первичности изучаемой реальности по сравнению с мышлением историка, ведь он изучает то, что не им создано и что было бы и в том случае, если бы этого историка вообще не было. Тем не менее, одним из последствий упомянутого доказательства стало у части историков – это есть и сегодня – выдвижение на первый план в теории познания субъекта, что влекло за собой отказ от понимания источника как некоего вместилища фактов и оценку последних в качестве продукта конструкции мышления. В свете этого, в частности, очевидно, что современный постмодернизм уже не оригинален и не нов. Таким образом, источниковедение не может объединять интересы и взгляды историков [1, 276] в большей степени, чем это позволяют их теоретические позиции.

Выявление и отбор проблематики и имен историков является одной из важных задач любого учебного издания. Основные направления российской историографии до 1917 г. являются в пособии предметом обучения; что же касается «философской составляющей» отдельных имен историков, то здесь очевидны пробелы. Заслуживает, хотя бы краткого изложения, система праг-

матической истории Н.Г. Устрялова – труд, ставший основанием для присуждения ему степени доктора наук по истории в 1836 г. [3]. Здесь излагается его понимание систематизирующего подхода к изучению конкретного материала в каждом случае до выработки общего взгляда на ход развития Руси в целом, в связи с чем рассматриваются проблемы соотношения государства и общества, роли личности в истории, своеобразия исторического развития Руси по сравнению с Западом, проблема истины и др.

Пропущена, далее, цивилизационная теория Н.Я. Данилевского, родоначальника этого подхода к пониманию истории в целом, за которым стоят взгляды Шпенглера, Тойнби и других, менее известных, авторов; суть этого подхода – в отрицании истории как целого, единства. При всей теоретической ошибочности данного подхода, это, тем не менее, первый опыт системного анализа всемирной истории как простой арифметической суммы цивилизаций (культурно-исторических типов); ошибочность этого взгляда не означает, что в концепции ошибочно и всё остальное. В университетской аудитории целесообразно обращаться к взглядам Н.Я. Данилевского не только как отечественного ученого, родоначальника нового взгляда на историю, но и потому, что сегодня проблема истории как целого является одной из фундаментальных в области теоретических поисков.

Наконец, в этой аудитории не следует обходиться без обращения к «философской составляющей» тех историков прошлого, которые сами читали лекции по проблемам философии и методологии истории – Н.И. Кареева, М.М. Хвостова, В.М. Хвостова. В особенности Н.И. Кареев был специалистом в изучении как многообразных конкретно-исторических проблем, так и теоретических проблем исторической науки. Его докторская диссертация посвящена вопросам философии истории (1883 г.), с чем впоследствии была связана и его преподавательская деятельность. Содержание лекций показывает его как профессионала высокого класса, и не только по этому уровню развития исторического познания и его теоретических основ. Различая теоретические проблемы истории, как действительности и истории, как познания, что и сегодня является одним из отправных пунктов логики теоретического мышления, Н.И. Кареев выделил целый ряд таких проблем в качестве предмета обучения: что такое теория истории, критика источников, обобщение в науке, сравнительно-исторический метод, философия истории, историзм, исторический объективизм, историческая наука и общественная жизнь и др. [4]. Прошедшее со времени начала чтения лекций столетие не показало, что названные проблемы устарели по их сути, а к некоторым это относится и по их формулировке. Многие в этой проблематике выглядят гораздо более близким к современной методологической проблематике, чем, скажем, это имеет место в курсе лекций по методологии русской истории В.О. Ключевского [5], хотя он приступил к их чтению в 1884/85 уч. году. Впрочем, это также отмечено в данном учебном пособии, целый ряд высказывавшихся тогда В.О. Ключевским теоретических положений не утратил своего научного значения сегодня, в частности «... особое внимание ученого к анализу внутренних социально-экономических процессов...» [1, 149].

О развитием понятийном аппарате теоретического мышления свидетельствуют лекции М.М. Хвостова, прочитанные им в 1912/13 уч. году в Казанском университете. Обращает на себя внимание структура курса: теория истории, методология истории, философия истории [6]. Развитие теоретического

мышления и исторического познания в целом привело к видоизменению, обогащению содержания этих понятий, а не к их отторжению, что, в частности, произошло с категорией «историология» в теоретическом мышлении Н.И. Кареева. Более того, отдельные аспекты теоретических взглядов М.М. Хвостова входят и в современные представления о предмете теории, методологии и философии истории; в частности, под методологией он понимал область приемов, методов исторического исследования.

Отмеченные изъяны в изображении общей картины развития «философской составляющей» отечественной историографии не исключают наличия в ней и тех элементов, без которых представления об этом развитии в целом добиться было бы невозможно. Это, прежде всего логика развития мышления от провиденциалистской концепции к светскому его варианту. Десакрализация исторического мышления – тенденция общеевропейского – или даже более того – характера и значения; её конечной основой стали те ростки новых, несвойственных средневековью, хозяйственных распорядков, которые раньше всего появились в Западной Европе, точнее, в Италии в XIV-XV столетиях. Вследствие этого первый ласточкой нового типа исторического мышления стал гуманизм – звено, которого в развитии отечественной историографии не было и быть не могло по характеру и уровню общественно-экономического развития страны. В пособии вполне обоснованно связывается формирование рационалистических основ исторического исследования российской историографии с XVIII в. [1, 55]. Впрочем, вопрос о приоритете формирования научного подхода к изучению истории России по отношению к конкретным именам историков выглядит дискуссионным: если в одном случае приоритет признается за А.И. Лызловым и оспаривается в этой связи роль и место В.Н. Татищева [1, 39], то в другом, напротив, последний рассматривается в качестве первого профессионального историка, заложившего фундамент исторической науки в России [1, 62]. Однако уже приведённый в том и другом случае материал взглядов свидетельствует о невозможности усматривать в них основополагающий характер в свете общего состояния исторического познания и его теоретических основ того времени, хотя это были, несомненно, знаковые фигуры российской историографии.

Каковы предпосылки того поворота в развитии познания, который приводил к уходу от накопления знания, преимущественно эмпирических форм историописания, к аналитически-исследовательским светским формам осмысления материала, что вело и к соответствующим переменам в области представлений об истории как реальности и как науки, об источниках и способах их использования и т.д.? В пособии к числу таких предпосылок относится идейное влияние извне и российская действительность. В первом случае авторы пособия вполне обоснованно обращаются к выяснению влияния на российскую историографию, начиная со второй половины XVIII в., идей западноевропейского рационализма и позже – идей Просвещения. Берётся во внимание и ещё более ранняя по времени система теоретических взглядов на историю – гуманистическая [1, 42-43]. Надо сказать, характеристике взглядов представителей этих направлений, особенно рационализма и просвещения, в пособии уделяется большое внимание – отводятся десятки страниц. То, что эта информация не нова и стала своего рода расхожей, ещё не является в данном случае минусом: ведь речь идёт об учебном издании. Но обучающий эффект этого материала определяется здесь не сам по себе, а в качестве одного из источников упомянутых взглядов. Эта же часть материала пособия – и по содержанию, и

по объёму – выглядит по сравнению предыдущей весьма скромно, чтобы не сказать больше. Как это понять: является ли это упущением, недоработкой авторов? Нет, они показали влияние тех идей, которое имело место в реальном состоянии умов и взглядов российских историков. Это, прежде всего, концепция просвещенного абсолютизма Вольтера, опиравшаяся, помимо всего прочего, и на российское самодержавие в годы правления Екатерины II. Посвящённые изложению данного сюжета страницы пособия весьма поучительны: они показывают соотношение в степени влияния внешнего источника и условий российской действительности. Далее, речь идет о признании российскими историками роли географической среды в объяснении событий, что также в первоначальном варианте является просветительским приемом мышления; есть некоторые другие нюансы влияния просветительских идей [1, 75, 81-82, 84].

Но дело в том, что в этом ещё далеко не весь дух и смысл просветительского типа исторического мышления. Ещё есть вольтеровское «раздавите гадину», как грубый символ рационализма; в отличие от этого, например, В.Н. Татищев относил к числу способов «всемирного умопросвещения» принятие христианства [1, 62]. Идея неотъемлемых и прирождённых прав человека, предполагающая равенство всех перед законом; концепция правового государства и разделения властей; идея народного суверенитета (Руссо), идея общественного договора, которой придерживалось большинство просветителей и т.д. Всё это конечно, продукт мыслящего рассудка просветителей, многое стало реальностью впоследствии, но не благодаря этому рассудку как первопричине, а благодаря предшествующей жизненной практике, подготовившей рассудок к формулировке подобных взглядов. Формирование в недрах позднесредневекового общества новых отношений собственности и элементов гражданского общества стало подлинной основой возникновения этих взглядов в XVIII в. В Западной Европе почва для них была подготовлена вполне; одним из первых декретов Французской революции конца XVIII в. стала отмена титулов, званий и введение единого понятия «гражданин».

Очевидно, что перенос указанных идей на российскую действительность XVIII в. не мог обойтись без проблем: эта действительность в целом была иной, мало восприимчива к просветительским идеям в весьма существенном объёме их содержания и смысла. В пособии обращает на себя внимание деталь, весьма многозначительная по содержанию: «Надежды Екатерины и российских министров на то, что иностранцы смогут создать подходящую историю России, не оправдались. При общей мировоззренческой позиции, общих философских представлениях об историческом развитии, то, что писали последователи философов-просветителей о России, полностью расходилось с мнением как императрицы, так и отечественных историков. И итогда Екатерина II сама взялась за перо» [1, 75-76]. Суть, очевидно, в другом: Екатерина взялась за перо, поняв, что писать надо с иных, чем у просветителей, позиций, хотя в чем-то они совпадали в обоих случаях как до этого порыва, так и после него. Это, прежде всего, концепция просвещённого абсолютизма Вольтера. Отношение к ней Екатерины II является ярким примером непосредственного вмешательства государства в работу историка, хотя это проблема не столько научная, сколько политическая: в отношении Екатерины к данной концепции, в её переписке с Вольтером, о которой злые языки говорили, что она более выгодна первой помещице, чем первому философу, много личного, хотя дело не только в этом. Опора на идеи просвещения была, по существу, средством укрепления и оправ-

дания власти самодержавия и общественных распоряжений в России. Во всем этом не могло не быть противоречий ввиду несоответствия этих распоряжений и просветительских идей. Данные распоряжения оказались сильнее не только тех умов, которые, как например, А.Н. Радищев, искренне следовали в своих исторических взглядах идеям Руссо, и хорошо известно, что из этого вышло. Они были сильнее и самой царицы. В них, в частности, уходят истоки её гнева по поводу появления во Франции книги Леклерка об истории России, усматривавшего в ней нарушение самодержавием условий общественного договора; путь развития России, действительно, плохо согласовывался с идеями просвещения. Далее, – не более, чем благой наивностью выглядела надежда Екатерины II с помощью этих идей улучшить положение крепостных.

Ссылки российских историков на идеи просветителей в положительном смысле ещё не означали, как правило, наполнение этих идей тем реальным содержанием и смыслом, которые на самом деле заключала в себе историческая действительность России. Да и как можно было, в частности, наполнить духом и смыслом российского самодержавия идею разделения властей? Если стержнем просветительского представления о природе государственной власти была идея её ограничения, недопустимости её сосредоточения в одних руках или в одном органе, то Болтин, Щербатов, Ломоносов и др. отстаивали идею исконности самодержавия, как единственной для России формы правления. Что в таком случае означают их ссылки на просветителей? И потом, в их оценке самодержавия есть известная доля истины: во всей предшествующей сегодняшнему дню истории России роль государства, властных полномочий и роли его первого лица были несколько иными, чем в странах Западной Европы. Не считаться с этим – значит, не считаться с прошлым, следовательно, наша история пошла «не так», а «так» – это то, как думали просветители и как это было на Западе. Но история не ходит «не так», её надо изучать такой, какой она произошла, даже если кому-то это очень не нравится. Тут помочь невозможно: история, прошлое только в единственном числе. Далее, если говорить о реальности, а не об идее, то изменило ли природу самодержавия в России появление государственной Думы в начале XX в., т.е., введение определенного разделения властей? Скорее нет, чем да, что стало одной из причин его заката. Выходит, ошибались просветители, ибо подлинная природа власти скрыта в её социальном качестве, а не в области права, которое вторично. Делится не власть, а исполнение её функций, что не меняет природу власти, иначе сущность государственной власти, скажем, в Англии XIII в. после возникновения в 1265 г. парламента и в современной Англии пришлось бы считать чем-то одним и тем же: там и там – разделение властей. Кстати, помогает понять эту разницу и то, что под названием классового подхода рассматривается в пособии в качестве источника ошибок, упущений историка [1, 92].

Формирование теоретических представлений историка, формулировка им частных и общеисторических теоретических проблем определяются влиянием на его мышление окружающей его действительности и идейного влияния извне. Соотношение того и другого в различных ситуациях развития общества и науки было неоднозначным, однако приоритет всё же остаётся всегда за конкретными условиями и состоянием окружающей историка среды, что в конечном счёте определяет и степень его восприимчивости к тем или иным влияниям извне. Этим обусловлена и логика исследования проблемы истоков и предпосылок формирования теоретических позиций историков, как и изложение дан-

ной проблемы в качестве предмета обучения: сначала – влияние действительности, потом – идейное влияние извне. Французская революция конца XVIII в. способствовала определённому «откату» просветительских идей в российской историографии, что подчёркивает значимость разницы исторических условий для формирования теоретических позиций историков; значительную роль сыграла в этом «откате» Отечественная война 1812 г. В пособии отход от просвещения рассматривается в качестве возврата к исконным началам жизни в России: «Абстрактная философия сущность Просвещения столкнулась с предметным русским историческим представлением и проиграла» [1, 96]. Но вывод о возврате теоретического мышления от космополитических идей просвещения к утверждению самобытности исторического процесса [1, 103] означает, что следование просветительским идеям было изначально временным отходом этого мышления от истины, заблуждением. В таком случае это не вполне соответствует выводу о том, что влияние просветительских идей «было огромно» [1, 92]. Какова реальная роль этих идей в формировании структуры и содержания теоретических представлений российских историков XVIII в.? Без выяснения этого не может быть и необходимой определённости трактовки данной проблемы в университетской аудитории, импульс к чему даёт данное пособие.

Приоритет российской действительности в формировании теоретических позиций историков в разной мере проявлялся в ходе возникновения и развития различных научных школ и направлений отечественной историографии XIX-XX вв. Это относится и к взглядам самых крупных её представителей – Н.М. Карамзина и С.М. Соловьёва, прежде всего, к их пониманию предмета и задач исторического исследования применительно к истории России и в целом. Государство, по понятиям Н.М. Карамзина, находится в центре исторического процесса, следовательно, категория «государство» является стержнем его исторического мышления. Эти взгляды ученого – продукт влияния на него российской действительности, они получены им в наследство от предыдущего развития российской историографии – достаточно сослаться на В.Н. Татищеву – и обусловлены его социально-политическими позициями в современной ему жизни. От первобытного народного правления к княжевластию и от него к самодержавию – такова ведущая нить развития российской истории, что является и стержнем концепции Н.М. Карамзина. Роль самодержавия – поистине мессианская: всё нужное для развития России исходит от монарха, что, впрочем, объявляется Н.М. Карамзиным и обязанностью, долгом самодержавного правления [7]; в этом есть определённый отпечаток влияния просветительских идей (Монтескье).

Историческая концепция С.М. Соловьёва является прежде всего продуктом влияния российской действительности, его социально-политических позиций в ней и предшествующих традиций российской историографии. Этим объясняется первостепенное внимание к истории Российского государства, которое уделяется С.М. Соловьёвым в «Истории России» и включает в себе принципиальное сходство с концепцией Н.М. Карамзина. Но здесь же и элементы её отрицания, это видно уже из названия труда; по его содержанию отрицание заключается в отходе от преимущественно политической истории и включении в предмет исследования многообразного и значительного по объёму материала по истории российского общества. Через это сито просеивалось любое идейное влияние извне. Об этом говорит уже следующая деталь, по-своему многозначительная: в студенческие годы С.М. Соловьёв признавал, что Ге-

гель «...кружил всем головы», хотя из сочинений философа он прочёл только «Философию истории», которая произвела на него «сильное впечатление» [8]. Впоследствии он, следуя Гегелю, делил в своём труде народы на исторические и неисторические, однако это был уже не точный смысл взглядов заимствованного: к историческим он относил славян, хотя в схеме всемирно-исторического развития Гегеля этого нет. В пособии заметно преувеличено значение Гегеля в формировании теоретических позиций российских историков [1, 131-132]; представление о ведущей роли государства в истории, в частности, необоснованно считать продуктом влияния Гегеля: такое представление было в российской историографии традиционным и до Гегеля.

Развитие российской историографии всё более обнажало значимость изучения прошлого и опоры на знание прошлого в научном, как и в социально-практическом, смысле. Следует подчеркнуть важность вывода Н.М. Карамзина, связанного с оценкой роли самодержавия в истории России и выводящего его за рамки этого: властители зависят от прошлого, они «...действуют по указанию истории и смотрят на её листы, как мореплаватели на чертежи морей» [9]. В знании прошлого нуждаются, однако, утверждал Н.М. Карамзин, не только правители, но и рядовые граждане, хотя расшифровка им значимости этого не является в данном случае достаточно раскрытой и обоснованной. Общественная практика и историческое мышление в прошлом и настоящем показывают порой весьма радикальный разрыв с этим заветом великого историка, что, однако, не делает его ошибочным: память о прошлом остаётся неустранимым элементом человеческого бытия, и сделать бывшее не бывшим не удавалось никому. Фундаментальным свойством поведения человека как общественного индивида и частного лица является историческое сознание – ощущение связи времён между прошлым, настоящим и будущим. Здоровой уверенности в будущем, в чем жизненно заинтересованы и общество в целом и индивид, не бывает из ничего, она вытекает из настоящего и опоры на прошлое. Фрагментаризация памяти делает историческое сознание разорванным, клочкообразным, лишает индивида и людские массы, даже если речь идёт о миллионах, возможности адекватно реагировать на происходящее, ориентироваться в настоящем, что делает их предметом манипуляций тех или иных общественных сил и целей. Разрушение связи времён – это своеобразная шизофренизация сознания, невозможность связать одно с другим; исторический склероз – одно из проявлений кризиса, болезни общественного сознания.

Каковы причины распада связи времён? Историческое познание не является ни единственной, ни главной причиной этого распада, его корни уходят в реальную действительность назревающих общественных перемен. В свою очередь, общественные перемены и сознание взаимосвязаны и взаимодействуют, хотя первичной всегда остается жизнь, реальность – сознание не способно вызвать любые перемены безотносительно ко времени. Однако устойчивой потребностью эпохи перемен является стремление в той или иной мере развенчать, перечеркнуть, изъять из памяти то время, о разрыве с которым в реальности идёт речь; чем круче этот разрыв, тем глубже провалы в памяти. Заказ эпохи перемен адресуется сознанию, в том числе историческому мышлению, и воспринимается им. Этим объясняется отношение просветителей к Средним векам, которые были объявлены ими временем мрака, невежества, религиозного фанатизма, нелепой ошибкой в развитии истории, случайностью: история пошла не так, не туда. Противоположная реакция общественных сил, заинте-

ресованных в сохранении средневековых распорядков – западноевропейские романтики, объявившие Средние века самой лучшей, прекраснейшей из эпох. Судьей в этом споре сознания и исторического мышления оказалась жизнь, история: перемены, о которых идёт речь, совершились и показали неадекватность во многом ни той, ни другой точки зрения. В особенности в первом случае речь идёт о крахе попытки зачеркнуть, т.е. изъять из памяти Средние века и превратить это беспамятство в норму мышления: в социально-политическом, как и в научном смысле отношение к Средним векам сейчас в целом иное. Утихают жизненные страсти, восстанавливается связь времён. Значимость и судьбу перемен помогает понять историческая перспектива, историческое мышление эпохи перемен в этом отношении бессильно, причём это объясняется не слабостью мышления, его ущербностью – такова его природа: надо подождать.

В истории Отечества, России были две эпохи перемен, по-своему значимых по отношению к проблеме исторического сознания и исторического мышления: Октябрь 1917 г. и крушение СССР, с изменением общественного строя в стране. Как это отражено в пособии и чему оно учит в качестве учебного издания? В нём приводятся данные, которые до сих пор – ни в советское, ни в постсоветское время – не привлекали сколько-нибудь заметного внимания, хотя они сами по себе и в рассматриваемой связи весьма значимы. С установлением советской власти встал вопрос о том, какую историю и в каком объёме следует преподавать. Был дан ответ, казавшийся верным, ибо он соответствовал представлениям о новом мире, новом обществе: уйти от царского прошлого в обучении, как ушли от него в жизни. В 20-е гг. с преподаванием истории как хронологической цепи событий было покончено: историко-филологические и юридические факультеты университетов были заменены факультетами общественных наук, в школе историю заменило обществоведение [1, 198-223]. Истории как самостоятельной дисциплины, изучающей неразрывную цепь событий и времён, в сфере обучения не стало. Эта ситуация важна своим весьма скорым по времени и знаменательным по смыслу исходом: из этого ничего не вышло, хотя в основе этого лежали не просто взгляды отдельных историков, пусть и влиятельных, а властные мотивы и структуры. Жизнь заставила вернуть историю в сферу образования, «...историческое образование и воспитание историей оказалось востребованным властью» [1, 247], постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) были восстановлены с 1 сентября 1934 г. Исторические факультеты в составе Московского и Ленинградского университетов [1, 248]. Срочно занялись подготовкой новых учебников по истории для школы. Ближайшим мотивом возврата дореволюционного прошлого в сферу образования стала осязаемая необходимость власти в опоре на это прошлое в свете надвигавшейся в 30-е гг. угрозы войны. Следует подчеркнуть: на всем последующем периоде советской истории это прошлое всё более и более возвращалось на страницы учебников, статей, книг, диссертаций и т.д. и отнюдь не только в критически-негативном духе.

Развал СССР стал новым импульсом к изменению отношения к прошлому, в данном случае, прежде всего, к советскому. Составной частью этого отношения стали проблемы исторического образования: чему учить? В данной ситуации, как это было и всегда в прошлом, решение этого вопроса не обходится без вмешательства государства в содержание образования. Следует отметить, что роль и масштабы этого вмешательства выглядят сейчас несколько иначе, чем в годы становления советской системы исторического образования. Основные

уставные документы, действующие образовательные стандарты однозначно несовместимы с теоретическим монизмом советского времени в изучении прошлого и в его преподавании и исходят в обоих случаях из теоретического плюрализма. Конечно, это не размывает социально-политического качества содержания образования, однако, во всяком случае, не изымает из этой сферы те или иные элементы теоретического понимания истории, связанные, в частности, с марксизмом: «Общее и особенное в историческом развитии России, её место во всемирно-историческом процессе в свете теорий общественно-экономических формаций и цивилизаций, концепций крупнейших русских историков» [10]. Это – из стандарта по дисциплине «История России». И ещё: «Формационная и цивилизационная концепции общественного развития» [11] - из стандарта по дисциплине «Философия». Плюрализм, об элементах которого в данном случае идёт речь, является гораздо более продвинутой формой обучения в университетах Англии, Германии, Франции и т.д. XX в., где работают историки марксистской ориентации или даже школы историков-марксистов [12]. Это сопровождается порой острой идейно-теоретической полемикой; такого рода полемика имеет место и у нас. «Поиск новых подходов к изучению истории диктуется», согласно утверждению одного из оппонентов Маркса, «необходимостью преодолеть пережитки марксизма в сознании историков, преодолеть марксизм как метод исследования, как инструмент научного анализа. Несостоятельность этой теории слишком очевидна, и я не буду останавливаться на этом» [13]. Это откровение слишком напоминает известную притчу об одной даме, которая ставила себя выше Маркса, потому что она – старший экономист, а Маркс был всего лишь экономистом.

Как в рассматриваемом пособии оценивается мера научности марксистского варианта методологии, т.е. какому отношению к нему студентов оно учит? Следует прежде всего отметить различия во взглядах между авторами по проблеме, которая является по своему содержанию весьма однозначной, а не дискуссионной. «Принципиальный грех этой методологии заключался в том, что марксизм-ленинизм объявлялся единственно (подч. автором – Н.С.) правильным учением...» [1, 197]. На самом деле, грех имел бы место в том случае, если бы такой объявляла себя сама теория, чего в ней, однако, нет; таковой её объявляла господствующая идеология, что ничего, кроме вреда, не принесло ни ей самой, ни теории: монополии на истину нет и не может быть у любого варианта методологии. Впрочем, в пособии указан и настоящий автор данного тезиса – государство [1, 181]. Тезис о «единственно научной» настойчиво повторяется в пособии в качестве оговорки со знаком минус для самой теории [1, 281]. Следует подчеркнуть: упомянутый тезис не имеет никакого отношения к содержанию, сути теории и является следствием того, что она стала основой идеологии. Все, что связано с различиями или, как в данном случае, с несовместимостью идеологий того времени, означает их борьбу, в которой идеологическая противоположность объявляется врагом и выступает таковым не только в собственном идеологическом или политическом значении и смысле, но и по стандартам и меркам научности: нечто не только идеологически вредно, является злом, но и лживо, ненаучно, ошибочно. Корни упомянутого тезиса следует искать не в идеологии только советского общества, а в идеологическом противоборстве того времени. Примером такого противоборства, перенесённого в область исторической науки, является вопрос о виновниках развязывания «холодной войны» в советской и западной историографиях второй половины XX в.

В пособии отмечено, что «марксизм содержал в себе несколько положений, каждое из которых в отдельности не противоречило ряду положений прежней историографии» [1, 227]. Непротиворечивость является частью соотношения содержания и структуры данной теории с предшествующим этапом научного познания, что важно для её понимания. Проблема истоков марксистской методологии и её соотношения с ними показывает, во-первых, что она возникла не на пустом месте, а на основе развития научного познания, во-вторых, что некоторые её идеи были подготовлены им и заимствованы ею, в-третьих, что эти заимствования переосмыслены с существенным элементом вносимой в них новизны содержания. Так обстояло дело с экономическим фактором, идеей классовой борьбы, проблемой динамики исторического развития (прогресс), рядом проблем гносеологии и т.д. Учёт этого важен для формирования отношения к данному варианту методологии в студенческой аудитории.

Ещё более важен в этой связи другой вывод пособия, который мы приведём по необходимости подробно: «Сегодня важно отнестись к марксизму непредвзято, что обусловлено рядом причин. Марксистские положения органически входят во многие современные теории исторического познания [1, 281] или развиваются вместе с ними. На основе марксизма (марксизма-ленинизма) осуществлялись общественные преобразования в СССР и других странах и без учёта этого обстоятельства не могут быть поняты и объяснены исторически, даже если исследователь вооружился другими, отличными от марксизма, учениями и идеологиями. Марксизм в нашей стране долгое время является теорией и методологией общественных наук и до сих пор (даже в перевёрнутом виде) лежит в основе большинства научно-исторических построений» [1, 282]. Это – призыв к изменению отношения к теории, крайним вариантом которого является отказ от признания за ней каких бы то ни было стандартов научности. Это изменение – у тех, у кого произошел откат от позиции «верных ленинцев» советского времени – имеет одну объективную предпосылку – крушение общественного строя в стране. Однако вполне очевидно: изменение отношения к теории в любом случае означает не изменение самой теории – если в неё не вносится чего-либо нового – а характеризует позицию лица меняющего, свои взгляды, и является проблемой этики поведения. В ситуации плюрализма это выглядит весьма обычным актом. Можно лишь предположить, что к подобному поведению в постсоветское время имеет отношение диктат идеологии в советском обществе: диктат веры в научность теории не сделал эту веру ни осмысленной и глубокой, ни искренней.

Далее, если с опорой на марксистскую теорию осуществлялись общественные преобразования в стране, то в какой мере причины их краха следует искать в её содержании? Впрочем, проблема возникает несколько раньше, что выражено и в пособии: «Октябрьская революция свершилась «по Марксу» или вопреки ему?» [1, 196]. Поскольку представление о революционной ломке старого мира не изложено где-либо в работах Маркса и Энгельса в целостном и завершённом виде, оно, тем не менее, было и, по сути, сводится к следующим положениям: капиталистическое общество само, в ходе своего естественного процесса развития создает условия и предпосылки своего отрицания; на ступени зрелости этого общества его экономические устои превращаются в оковы его дальнейшего развития, следствием чего является революционный взрыв; общественной силой, его осуществляющей, выступает рабочий класс, который в условиях нарастающей имущественной и иной поляризации в обществе в ко-

личественном отношении постоянно растёт, а в материальном – нищает (закон абсолютного обнищания); революционный взрыв способен привести к победе нового строя лишь одновременно в ряде стран; экономической сутью перехода к социализму является уничтожение частной капиталистической собственности и утверждение общественной. Следует отметить, что взгляды основоположников теории ими частично менялись. Так, по отношению к тезису из «Манифеста коммунистической партии» о том, что экономическое развитие созрело для устранения капиталистического способа производства, Энгельс в 1895 г. высказался в духе ошибочности этого представления как преждевременного: основа производства в 1848 г. «... обладала ещё очень большой способностью к расширению» [14]. Более того, Энгельс пишет об иронии всемирной истории, которая «ставит все вверх ногами. Мы, «революционеры», «ниспровергатели», мы гораздо больше преуспеваем с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота» [15]. Этот вывод сделан в свете состояния немецкого рабочего движения и роли в нём социал-демократии в последней трети XIX в.

Формирование рационального обоснованного отношения к марксистской теории в университетской аудитории – пособие содержит один из вариантов такого отношения – нереализуемо без соотношения данной теории со всем последующим ходом исторического развития, в том числе, прежде всего, с советским опытом общественных перемен; кроме этого, необходимо учитывать её место и роль в структуре современных вариантов исторического мышления. Именно соотношение помогло Энгельсу рассматривать вывод о созревании условий для революционного перехода к новому обществу как преждевременный. Сопоставление любой теории с опытом исторического развития показывает меру её научной обоснованности в целом или тех или иных её сторон. Закон абсолютного обнищания пролетариата [16] и роста его численности обнаруживал его несоответствие уже во времена Маркса; прогресс техники во все возрастающем масштабе приводит к сокращению физической занятости людей на производстве.

Далее, Октябрьская революция в России произошла не «по Марксу» и «по Марксу», в неразрывной связи того и другого. Очевидность первого в том, что речь идёт об одной стране, причём по уровню зрелости капиталистических отношений и антагонизма между трудом и капиталом она не согласуется с логикой соответствующих взглядов Маркса: в России накануне Октября 1917 г. около 80% населения составляло крестьянство, пролетариат – 6-7%. Но революция произошла и «по Марксу», ибо идея такого перехода к новому обществу – составная часть взглядов В.И. Ленина и большевиков, заимствованная из марксистской теории. Однако это такое заимствование, в котором жёсткий учёт конкретной ситуации в России перевешивал всё остальное. Это – вопрос не теории, а тактики В.И. Ленина следовать идее, но без сопровождающих её условий реализации по Марксу: условия в той ситуации были иными, своими, что хорошо понимал В.И. Ленин. Все последующие рассуждения о неизбежности, закономерности именно данного исхода событий являются некоторым упрощением той ситуации, которая в действительности висела на волоске вплоть до даты вооружённого выступления, выбору которой В.И. Лениным придавалось решающее значение. Позиция В.И. Ленина и его сторонников сводилась к пониманию необходимости не упустить наиболее благоприятный момент для выступления, но это вовсе не позиция некой предопределённости, неизбежности желаемого исхода. Решающим в данной ситуации был фактор человеческой

воли и действий, а не некая абстрактная необходимость. Впрочем, это относится к сути всех радикальных перемен в истории, особенно революционного характера. Взрывной, неустойчивый характер революционных потрясений ориентирует общественное сознание на перемены или на сопротивление им, что лишает общественную ситуацию стабильности, то есть тех исторических условий, в которых медленно, постепенно формируются устойчивые признаки и свойства исторической реальности, проявляющиеся с исторической необходимостью, неизбежностью. Это – долговременные процессы, а не кратковременные, быстро сменяющие друг друга всплески перемен: уход старых отношений собственности и формирование новых, складывание социальной структуры общества, формирование новых форм идеологии и общественного сознания и т.д. Эти процессы в такой же мере продукт воли и деятельности людей, как и события перемен, с той, однако, разницей, что в первом случае речь идёт о массовых процессах, в которых отдельная воля тонет во множестве таких волей и действий; далее, истоки перемен вторичны по отношению к периодам долговременного и стабильного развития и подготовлены ими.

Именно такая логика развития исторического процесса в России XIX-начала XX вв. привела к событиям Октября 1917 г. Корни этих событий – прежде всего в аграрном секторе экономики. В ходе длительного процесса исторического развития в стране созрели острые противоречия, требовавшие с необходимостью своего разрешения и не получившие его ни в революции 1905-07 гг., ни в ходе Февральской революции и последующей деятельности Временного правительства. Однако эти противоречия не имели какого-либо одного неизбежного варианта их решения, что зависело не от упомянутой необходимости, а от конкретной ситуации с её расстановкой общественных сил. В той конкретной ситуации было несколько вариантов (альтернатив) их решения, и само решение зависело от исхода столкновения, борьбы этих вариантов; определяющим был фактор силы конкретных обстоятельств, к числу которых относится и то, что правомерно причисляется к категории случайностей. Борьба альтернатив привела к победе Октября 1917 г.; так пошла история и с этим ничего не поделаешь тем, для кого это было или остаётся неприемлемым.

Что же касается оценки периода советской истории на протяжении более чем 70 лет с учётом масштабов перемен в стране и их влияния на окружающий мир, то очевиден вывод: такое общество возможно, жизнеспособно, это вовсе не тупик развития, не нелепая ошибка, за которую сегодня надо лишь извиняться. В пособии изложен один из здравых подходов к оценке этих страниц отечественного прошлого: «Рассматриваемый нами период – это богатейшие годы отечественной истории... При объективном подходе невозможно отрицать того, что в это время страна добилась больших успехов в развитии экономики, особенно промышленности, образования, культуры. За эти достижения дорого заплачено. На алтарь социализма были положены судьбы миллионов эмигрировавших, репрессированных, а замученных подневольным трудом людей» [1, 177].

Крушение начатых Октябрём 1917 г. общественных перемен в стране стало продуктом столь же конкретных причин и особой ситуации, в том числе в международном аспекте, как и сам Октябрь. Это – продукт конкретной политики, связь которой с марксистской теорией является весьма косвенной или отсутствует совсем. Кукуризацию всей страны, отказ от реформ А.Н. Косыгина, перенапряжение экономики страны военными расходами, спровоцированное США и Саудовской Аравией падение цен на нефть в начале 80-х гг. XX в.,

антиалкогольную кампанию, «перестройку» и т.д. невозможно рассматривать на доказательном уровне в качестве глубинных противоречий общественной системы, заложенных в ней изначально и погубивших её ввиду своей неразрешимости, или рассматривать их в качестве результатов применения марксистской теории на практике. В этом высвечивается не вина теории, а, скорее, её отсутствие. Следовательно, в этом нет и свидетельств её научной несостоятельности.

Впрочем, по крайней мере, в одном отношении причины краха советского строя уходят в область теории. Это, прежде всего, проблема собственности. Её теоретическое и практическое значение огромно, что стали понимать уже до Маркса, в частности, Сен-Симон с его тезисом, хотя и не расшифрованным им вполне: нет изменения общественного строя без изменения собственности. В реальной истории формирование античных отношений собственности, переход от античных к средневековым, от средневековых – к собственности нового времени и последующего этапа развития занимал столетия. Новые формы собственности в ходе естественной эволюции утверждались постепенно тем, что они оказывались более эффективными. Революции на ступени перехода от средних веков к новому времени не формировали частную собственность, поскольку она уже складывалась, а помогали её утверждению. Уничтожение частной собственности – стержень взглядов Маркса и Энгельса о переходе к новому общественному строю. Форма собственности – общественная, какой-либо теоретической расшифровки данной проблемы в работах Маркса и Энгельса нет. Октябрьская революция 1917 г. произошла в этом смысле «по Марксу» - с резким изменением формы собственности. Это, по существу, вызвало «поправку» - НЭП. Другая «поправка» в истории – реформы в Китае (Дэн Сяо-пин). Крутой поворот в отношениях собственности в России в 90-е гг. XX в. (в руках государства осталось 10% собственности) обрушил десятки миллионов в нищету; потребовалась ещё одна «поправка» - создание госкорпораций. Самой существенной поправкой в господство частной собственности в современном мире является то, что удельный вес государственной собственности в странах с развитой экономикой составляет не менее 30%.

Таковы некоторые проблемы, связанные с формированием в учебном процессе рациональных основ теоретического мышления в целом, отношения к марксистской теории – в частности. Последнее является выражено дискуSSIONным в связи с изменениями в мире в конце XX- начала XXI вв. Отсюда прощание с марксизмом, порой лирически – приговорное: «Человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым... И это настолько истинно, что, расставаясь с самим марксизмом и тем, что он произвел, человечество тоже немало поводов имело и имеет посмеяться. Часто сквозь слёзы. Кровавые» [17]. Следует уточнить: с марксизмом расстаётся А. Адамович, но это ещё не человечество. Это называется: гора с плеч, правда, не человечества, а А. Адамовича.

В связи с попыткой понять сегодня роль и значение этой теории в познании общественных явлений не будет самым убедительным ссыла на отношение к ней её сторонников. Важно выяснить её значение во взглядах тех, кто не причисляет себя к числу её приверженцев. Только одно признание, по необходимости подробно: «Мой продолжительный анализ марксистской исторической теории некоторые читатели могут расценить как субъективную приверженность автора вышедшему из моды радикализму... Сейчас ещё рано утверждать, каким будут долгосрочные последствия сдвига 1989-1992 гг. в интеллектуаль-

ном плане, но сразу ... можно предположить, что марксизм вряд ли удастся быстро списать со счетов... нынешнее, враждебное отношение, как бы велико оно ни было, не изменит того факта, что марксизм оказал совершенно беспрецедентное воздействие на историческую науку и в качественном и в количественном смысле... Пока историки признают необходимость теории, они будут обращаться к марксистской традиции» [18].

В заключительном разделе пособия дана характеристика основных направлений философско-исторической мысли новейшего времени за рубежом. Эта характеристика является одним из наиболее научно обоснованных вариантов представлений из того, что есть в отечественной литературе на эту тему. Важной теоретической предпосылкой формирования таких представлений является в данном случае «признание возможности объективного познания прошлого...», что сопровождается, хотя и в вероятностном варианте рассуждений, такой расшифровкой понятия объективности: «...следует, видимо, выдвигать принцип адекватности предлагаемых подходов и методов объекту и предмету исследования...» [1, 337]. Напротив, требование адекватности языка, приемов и методов исследования, способов анализа источников, в конечном итоге – картины изображаемой реальности самой этой реальности является фундаментальным признаком объективности познания в целом, конкретных его результатов в особенности. Без этой адекватности - следует добавить: примерной, не буквальной – понятие исторической истины теряет свой смысл: мышление, не только историческое, но и любое другое, лишено опоры в самом себе, такой опорой может быть только изучаемая реальность, независимо от того, выступает ли она перед исследователем непосредственно, как в естественных науках, или в основном в опосредованной через источник форме, как у историка. Такое понимание объективности, истины является общенаучным: там, где нет приблизительного соответствия познавательного образа тому, что изучается, о науке говорить не приходится. В области исторического познания данное понимание объективности не является ни марксистским, ибо оно сложилось до Маркса, но присуще и ему, ни антимарксистским, ни каким-либо ещё. Различные направления исторической науки, варианты методологии и т.д. различались и будут различаться по степени, глубине постижения объективного смысла изучаемой реальности, но это отнюдь не проблема понимания того, что такое объективность, истина. Напротив, перевод проблемы именно в данную плоскость означает стремление расстаться с истиной в области теоретического мышления и в практике конкретного исторического исследования. Является произвольной разновидность такого перевода, согласно которому понятие истины совместимо и с отрицанием адекватности познавательного образа объекту изучения. Крайний вариант такого произвола – гносеология постмодернизма: «Нет на свете такой вещи, как единственно правильный взгляд на исследуемый предмет, но есть множество правильных взглядов, каждый из которых требует собственного стиля репрезентации» [19]. И ещё: «Историю, как совокупность свидетельств прошлого, можно изложить весьма изрядным числом равно состоятельных способов» [20]. Единственно правильной теории, точки зрения и т.д. нет в том смысле, что любая теория, позиция, взгляд не исчерпывает всё богатство действительности, что не дает никому возможности на монопольное обладание истиной – в этом нет какой-либо теоретической проблемы, требующей особого доказательства. Важно другое: нет и не может быть равноценности, с точки зрения уровня, меры постижения сути явлений,

в разных теоретических подходах, позициях, взглядах, что также весьма очевидно. Если же перевести тезис о равноценности из области научного познания в реальную действительность, то создаётся ситуация абсурда: в окружающем его мире индивид должен реагировать на происходящее возможно более адекватно, иначе у него будут проблемы. Язык, живая человеческая речь является одним из главных средств достижения адекватности такого поведения. Сюда весьма подходит фраза Гегеля, хотя и без переноса её точного философского смысла на ситуацию: кто на мир смотрит разумно, на того и мир смотрит разумно. Но не меньшим абсурдом является тезис о равноценности и в области научного познания: ничего невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Это даже хуже, чем абсурд – это потеря памяти, исторического сознания, возможности ориентироваться в окружающем мире общественных перемен и в его вероятностном будущем. Это – предпосылка манипулирования общественным сознанием, в чем заинтересованы те силы и слои современного общества, которые, что выражено, в частности, Ф. Фукуямой, исповедуют идею финализма, конца истории, обозначенного в виде американской либеральной модели. Увы, это всего лишь стадия, и она не вечна, как всё в истории.

В пособии дана вполне адекватная оценка постмодернизма: «Постмодернизм проявляется в постоянном бесконечном расплывании устоявшихся стереотипов в языке, общественной жизни, предлагая взамен ничем не сдерживаемый поиск новых смыслов и значений. История как система научных знаний отвергается и заменяется множеством виртуальных историй» [1, 316]. Следуя логике постмодернизма, надо признать: этот взгляд на него столь же истинен, как и восторженная оценка его сторонников. С этим они, конечно, не согласятся, но тут помочь невозможно.

Российская историография переживает время перемен, одну из тех ситуаций, когда отношение к прошлому в области научного познания и общественного сознания не может не меняться. Впрочем, образ прошлого в той или иной мере меняется всегда, что является неизбежным результатом развития научного познания и так или иначе влияет на структуру и содержание исторического сознания. Однако структура последнего в любом случае не зависит от времени в том смысле, что всегда предполагает связь прошлого, настоящего и будущего, в чем жизненно заинтересованно любое общество: в наличии этой связи – одна из необходимых основ его стабильности. Время перемен связано с наиболее радикальными формами вторжения в историческое сознание, ведущими в той или иной мере к его фрагментаризации, разрушению. Но исторический опыт свидетельствует, что даже самые радикальные перемены в истории оставляют после себя не только разрыв с прошлым в реальной действительности и в общественном сознании, но и преемственность, что по отношению к историческому сознанию означает преодоление его фрагментарности, клочкообразности. В этом реализует себя историческая необходимость опоры на прошлое, которое никуда не уходит и остаётся с людьми. Восстановление исторического сознания не является процессом стихийного развития, зависит от позиций общественных сил, в том числе от историков. Последние в этом отношении делятся на две категории: способствующие восстановлению или поддержанию здорового исторического сознания и способствующие его разрушению. Содержание данного учебного издания неоднозначно: оно содержит элементы того и другого варианта влияния на историческое сознание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История и философия отечественной исторической науки. Учебное пособие. М. Изд. РАГС, 2006. Науч. ред. проф. Пихоя Р.Г., проф. Чернобаев А.А.
2. Смоленский Н.И. Теория и методология истории. Учебное пособие. М.: Академия, 2007. – С. 173-176.
3. Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории. – СПб., 1856.
4. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – СПб., 1913; его же. Историология (теория исторического процесса). – Тб., 1915.
5. Ключевский В.О. Сочинения. Т. VI. М., 1989. – С. 5-93.
6. Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. – Казань, 1913. – С. 3-5.
7. Карамзин Н.М. Сочинения. – М., 1820. – С. 57.
8. Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. – М., 1983. – С. 268.
9. Карамзин Н.М. Предания веков. – М., 1987. – С. 31.
10. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Специальность 032600 История. – М., 2000. – С. 14.
11. Там же. – С. 9.
12. См. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. Под ред. проф. И.П. Деметьева и проф. А.И. Патрушева. – М., 2000. – С. 262, 267, 288, 339; Шарифжанов И.И. Английская историография XX в. – Казань: Изд. Казанского ун-та, 2004. – С. 211-223.
13. Иванов Н.А. Восток: новые подходы к изучению истории. – Восток, 1993. – № 4. – С. 5.
14. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 22. – С. 535.
15. Там же. – С. 546.
16. См. Ковальченко И.Д. Некоторые вопросы методологии истории. – Новая и новейшая история, 1991. – № 5. – С. 7.
17. Адамович А. Смех сквозь слёзы кровавые. – «Московский комсомолец», 1993, 16. XI.
18. Джон Тош. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. Перев. с англ. Коробочкин М.Л. Третье издание. – М.: Весь мир, 2000. – С. 211.
19. White H. Topics of Discourse: Essays in Cultural Criticism. Baltimore, 1978, p. 46.
20. White H. Metahistory. The Historical Ymadination in Nineteenth – Century Europe. Baltimore, 1973, p. 283.

N. Smolensky

PHILOSOPHICAL BASES OF THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY: TRAINING AND RESEARCH PROBLEMS

Abstract: Article is devoted the analysis of a problem of philosophical bases of the Russian historiography from the moment of occurrence of a science to the present. This problem is considered on a manual material «History and philosophy of a domestic historical science», prepared by collective of authors of the Russian academy of public service and Institute of the Russian history of the Russian Academy of Sciences. The problematics of philosophical bases of the Russian historiography is analyzed as a subject of scientific research and teaching simultaneously.

Key words: history philosophy, true, history methodology, the history theory, historical consciousness.